

Жорж
Сименон

МЕГРЭ
И ПОРЯДОЧНЫЕ
ЛЮДИ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Мегрэ и порядочные люди

«Азбука-Аттикус»

1962

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ и порядочные люди / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1962 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15433-9

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ и порядочные люди». Комиссар Мегрэ – типичный парижанин. Он носит пальто с бархатным воротником, не расстаётся с трубкой и обожает греться у огня. Однако в любое время суток он готов покинуть свою уютную квартирку на бульваре Ришар-Ленуар или прокуренный кабинет на набережной Орфевр, чтобы прийти на помощь оказавшемуся в беде человеку. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15433-9

© Сименон Ж., 1962
© Азбука-Аттикус, 1962

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Жорж Сименон

Мегрэ и порядочные люди

Georges Simenon
MAIGRET ET LES BRAVES GENS
Copyright © 1962, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®

MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского М. Таймановой

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®
© М. Тайманова, составление, перевод, 2017

* * *

Глава 1

Ночью в квартире Мегрэ зазвонил телефон, но комиссар, пытаясь ощупью найти трубку, не ворчал, как обычно, когда его будили среди ночи, а с облегчением вздохнул.

Хотя прерванный сон он помнил очень смутно, но осталось ощущение, что снилось ему что-то неприятное: как будто он пытается оправдаться перед каким-то высоким чиновником, хотя лица его не видит, доказывая, что не виноват, – нужно подождать всего несколько дней, потому что следствие еще не вошло в привычный ритм, но все скоро выяснится. А главное, он просит не смотреть на него так укоризненно-иронически.

– Слушаю!

Пока он отвечал, мадам Мегрэ привстала и включила лампу у изголовья.

– Мегрэ? – слышалось в трубке.

– У телефона.

Голос показался ему знакомым.

– Говорит Сент-Юбер.

Сент-Юбер, комиссар полиции, был ровесником Мегрэ. Они познакомились, когда оба только начинали работать. Называли друг друга по фамилии и на «ты» не переходили. Сент-Юбер, высокий, рыжеволосый, слегка медлительный и степенный, всегда стремился расставить все точки над «i».

– Я вас разбудил?

– Да.

– Прошу прощения, но, вероятно, вам все равно с минуты на минуту позвонят с набережной Орфевр, чтобы ввести в курс дела. Я поставил в известность прокуратуру и сыскную полицию.

Сидя на кровати, Мегрэ протянул руку, чтобы взять с ночного столика спички и трубку, которую оставил там перед сном, а мадам Мегрэ встала и пошла за ними к камину. В открытое окно вливался теплый воздух светящегося редкими огоньками Парижа и слышно было, как вдали проезжают машины.

Они вернулись из отпуска только пять дней назад, и их впервые будили среди ночи. Мегрэ почувствовал, как снова начинает понемногу погружаться в привычный для него ритм жизни.

– Слушаю вас, – пробормотал комиссар, делая несколько затяжек, пока жена подносила ему зажженную спичку.

– Я нахожусь в квартире Рене Жослена, улица Нотр-Дам-де-Шан, 37, напротив монастыря Сестер милосердия. Здесь совершено преступление. Подробностей еще не знаю, так как приехал двадцать минут назад... Вы меня слышите?

– Да...

Мадам Мегрэ пошла в кухню сварить кофе, и Мегрэ с благодарностью посмотрел на нее.

– Кажется, это дело не из простых. Достаточно деликатного свойства. Поэтому я решил позвонить вам... Я боялся, что могут прислать дежурного инспектора.

По тому, как тщательно он подбирал слова, можно было догадаться, что он в кабинете не один.

– Я знаю, что вы только что вернулись из отпуска...

– Да. На прошлой неделе.

Была среда. Точнее, четверг, потому что будильник на столике у кровати мадам Мегрэ показывал десять минут третьего. Вечером супруги ходили в кино, даже не за тем, чтобы посмотреть фильм, кстати довольно посредственный, а скорее чтобы не изменять своим привычкам.

– Вы сможете приехать?

– Да. Буду готов через несколько минут.

– Лично я буду вам весьма признателен. Я немного знаю Жосленов. Никогда бы не подумал, что такое может случиться в этой семье.

Даже запах табака напоминал Мегрэ о работе: запах недокуренной накануне трубки, к которой тянешься среди ночи, когда тебя будят по срочному делу. Запах ночного кофе тоже отличается от утреннего, как и запах бензина, который проникал через открытое окно...

Уже неделю Мегрэ казалось, будто что-то идет не так.

Впервые он провел целых три недели в деревушке Мен-сюр-Луар, не имея никаких контактов с сыскной полицией, и впервые за все эти годы его не вызывали в Париж по срочному делу.

Они обживали дом, ухаживали за садом. Мегрэ ловил рыбу, играл в белот с местными жителями, а теперь, после возвращения, никак не мог войти в привычную колею.

Впрочем, можно сказать, Париж тоже. Уже не было ни дождей, ни обычной после отпуска летней свежести. Огромные туристические автобусы возили по городу иностранцев в пестрых рубашках, и хотя многие парижане уже вернулись после отдыха, но поезда с теми, кто только отправлялся отдыхать, были переполнены.

Здание сыскной полиции, его собственный кабинет, казались Мегрэ какими-то нереальными, и время от времени он даже недоумевал, а что, собственно, он здесь делает, словно настоящая жизнь протекала там, на берегах Луары.

Наверное, от этого внутреннего дискомфорта ему и приснился такой сон, подробности которого он никак не мог вспомнить. Мадам Мегрэ принесла из кухни чашечку обжигающе горячего кофе и сразу поняла, что муж нисколько не разгневан тем, что его так внезапно разбудили, а напротив, этому даже рад.

– Где это?

– На Монпарнасе... Улица Нотр-Дам-де-Шан.

Он надел рубашку, брюки и уже зашнуровал ботинки, когда снова зазвонил телефон. На сей раз из сыскной полиции.

– Шеф, это я, Торранс... Нам сейчас сообщили...

– Что на улице Нотр-Дам-де-Шан убит человек...

– Вы уже в курсе? Собираетесь туда поехать?

– Кто сейчас в кабинете?

– Дюпе. Он допрашивает какого-то субъекта, подозреваемого в краже бриллиантов. Есть еще Вашэ... Погодите... Вот Лапуэнт появился.

– Скажи Лапуэнту, чтобы ехал и ждал меня там.

Жанвье был в отпуске. Вернувшийся вчера после отдыха Люка еще не вышел на работу.

– Вызвать тебе такси? – спросила чуть позже мадам Мегрэ.

Шофер оказался знакомым, и это тоже было приятно комиссару.

– Куда поедет, шеф?

Он дал адрес и набил полную трубку. На улице Нотр-Дам-де-Шан стояла маленькая черная машина сыскной полиции, а возле нее Лапуэнт с сигаретой в зубах разговаривал с полицейским.

– Четвертый этаж, направо, – сказал полицейский.

Мегрэ и Лапуэнт вошли в идеально чистый, респектабельный дом. В комнате консьержки горел свет, и, заглянув в окошко с тюлевыми занавесками, комиссар подумал, что знает инспектора Шестого округа, который ее допрашивал.

Едва лифт успел остановиться, как открылась дверь и им навстречу вышел Сент-Юбер.

– Прокуратура приедет не раньше чем через полчаса... Входите... Сейчас вы поймете, почему я решил вам позвонить.

Они очутились в просторной прихожей, потом Сент-Юбер распахнул дверь, и они вошли в тихую гостиную, где никого не было, если не считать трупа мужчины, который полулежал в кожаном кресле. Несмотря на довольно большой рост и полноту, он целиком вжался в кресло, голова свисала набок, глаза были открыты.

– Я попросил семью выйти отсюда. Мадам Жослен находится под наблюдением домашнего врача, доктора Ларю, между прочим, моего приятеля.

– Она ранена?

– Нет. Когда это произошло, ее не было дома. Сейчас я в нескольких словах изложу вам суть дела.

– Кто живет в квартире? Сколько человек?

– Двое...

– Но вы говорили о семье...

– Сейчас объясню. С тех пор как дочь вышла замуж, месье и мадам Жослен живут здесь вдвоем. Их зять – молодой врач, доктор Фабр, педиатр, ассистент профессора Барона в детской больнице.

Лапуэнт записывал.

– Сегодня вечером мадам Жослен с дочерью пошли в театр Мадлен.

– А мужа?

– Какое-то время Рене Жослен находился дома один.

– Он не любил театр?

– Не знаю. Пожалуй, предпочитал сидеть дома по вечерам.

– Чем он занимался?

– Последние два года – ничем. А раньше владел картонажной фабрикой на улице Сен-Готар. Они выпускали картонные коробки, в основном роскошные, например для изготовителей духов... Но по состоянию здоровья ему пришлось продать свое дело.

– Сколько ему было лет?

– Шестьдесят пять или шестьдесят шесть... Итак, вчера вечером он остался дома один... Потом пришел зять, точно не знаю, в котором часу, и они стали играть в шахматы...

Действительно, на столике стояла шахматная доска, а фигуры были расставлены так, словно партию прервали.

Сент-Юбер говорил вполголоса, и было слышно, как за неплотно закрытыми дверями в других комнатах кто-то ходит.

– Когда мать с дочерью вернулись из театра...

– В котором часу?

– В четверть первого... Так вот, когда они вернулись, то обнаружили Рене Жослена в таком виде, как сейчас.

– Сколько пуль?

– Две... Обе в области сердца...

– Соседи ничего не слышали?

– Соседи по площадке еще не вернулись из отпуска...

– Вам сразу сообщили?

– Нет. Сначала они вызвали своего домашнего врача, доктора Ларю, он живет в двух шагах отсюда, на улице Асса. Это заняло какое-то время, и только в десять минут второго мне позвонили из комиссариата. Я оделся и сразу же поехал сюда... Я смог задать всего несколько вопросов, мадам Жослен не в том состоянии...

– А зять?

– Он пришел незадолго до вас.

– Что он говорит?

– Его с трудом разыскали. В конце концов, нашли в больнице, куда он решил зайти – взглянуть на ребенка, больного, если не ошибаюсь, энцефалитом...

– Где он сейчас?

– Там... – Сент-Юбер указал на одну из дверей, откуда доносился шепот. – Судя по тому, что я сумел узнать, ограбления не было и не обнаружено никаких следов взлома... У Жосленов нет врагов, как они полагают... Это порядочные люди, они вели подобающий образ жизни...

В дверь постучали. Пришел Ламаль, молодой судебный медик. Он пожал руки всем присутствующим, потом поставил на комод свой чемоданчик и открыл его.

– Мне позвонили из прокуратуры, – сказал он. – Сейчас приедет заместитель прокурора.

– Я хотел бы задать несколько вопросов дочери, – прошептал Мегрэ, несколько раз оглядев комнату.

Он понимал ощущения Сент-Юбера. Обстановка здесь была не просто элегантной и комфортабельной, все здесь дышало покоем, налаженной семейной жизнью. В гостиной не было показной роскоши: в этой обстановке приятно существовать. Казалось, каждый предмет здесь имел свое назначение и свою историю.

Например, в огромном кресле из рыжеватой кожи, вероятно, по вечерам любил сидеть Рене Жослен, а на другом конце комнаты, в поле его зрения, находился телевизор.

На этом рояле много лет подряд играла маленькая девочка, портрет которой висел на стене, а возле другого кресла, не такого глубокого, как у хозяина дома, стоял красивый рабочий столик в стиле Людовика XV.

– Позвать ее?

– Я предпочел бы поговорить с ней в другой комнате.

Сент-Юбер постучал в какую-то дверь, на минуту исчез, а потом вернулся. По дороге Мегрэ заглянул в спальню – там на кровати лежала женщина, над которой склонился врач.

Другая женщина, помоложе, вышла к комиссару и спросила шепотом:

– Вы не возражаете, если мы пройдем в мою бывшую комнату?

Комната девушки, с сувенирами, безделушками, фотографиями, словно, уже будучи замужней женщиной и приходя в родительский дом, она снова хотела вернуться в обстановку своей юности.

– Вы комиссар Мегрэ, правда?

Он кивнул.

– Пожалуйста, курите. Мой муж с утра до вечера не выпускает изо рта сигареты. Не курит он разве что у постели своих маленьких пациентов...

Она была в нарядном платье, а перед театром побывала у парикмахера. Она нервно теребила в руке носовой платок.

– Вы не хотите присесть?

– Нет. И вы тоже?

Она не могла оставаться на одном месте, ходила по комнате, не зная, на чем остановить взгляд.

– Не знаю, можете ли вы представить себе, что все это значит для нас... В газетах, по радио каждый день говорят о преступлениях, но трудно представить, что такое может случиться с вами... Бедный папа!

– Вы были близки с отцом?

– Он был удивительно добрый человек... Я значила для него все на свете... Единственный ребенок... Месье Мегрэ, вы непременно должны понять, что произошло, и объяснить нам... У меня не выходит из головы, что это чудовищная ошибка...

– Вы думаете, убийца мог, например, ошибиться этажом?

Она посмотрела на него как человек, которому бросают якорь спасения, но тут же покачала головой:

– Это невозможно... Замок не взломан... Значит, отец сам открыл дверь...

– Лапуэнт, можешь войти! – позвал Мегрэ.

Мегрэ представил его, и тот покраснел от неловкости, очутившись в девичьей комнате.

– Позвольте задать вам несколько вопросов. Кому именно, вам или матери, пришла в голову мысль этим вечером пойти в театр?

– Трудно сказать... По-моему, маме. Она всегда настаивает на том, чтобы я куда-то выходила. У меня двое детей. Старшему три года, младшему – десять месяцев. Когда мой муж дома, он сидит в своем кабинете и я его совсем не вижу, а чаще всего он либо в больнице или у своих больных. Весь в работе. И вот время от времени, два-три раза в месяц мама звонит мне и предлагает нам куда-нибудь вместе пойти. Сегодня шла пьеса, которую я давно хотела посмотреть...

– Ваш муж не мог пойти?

– Во всяком случае, до половины десятого. А это уже слишком поздно. Кроме того, он не любит театр.

– В котором часу вы пришли сюда?

– Около половины девятого.

– Где вы живете?

– На бульваре Брюн, возле университетского городка.

– Вы приехали на такси?

– Нет. Меня подвез муж на машине. Он был свободен между двумя визитами.

– Он поднялся с вами в квартиру?

– Нет. Высадил меня на улице.

– А потом снова вернулся сюда?

– Так уж было заведено: когда мы с мамой куда-то ходим, Поль, так зовут моего мужа, закончив свои дела, заезжает к отцу. Они играют в шахматы или смотрят телевизор, пока мы не придем.

– Так было и вчера?

– Он говорит, что так. Он приехал чуть позже половины десятого. Они начали партию в шахматы, потом мужа вызвали по телефону к больному.

– В котором часу?

– Он не успел мне сказать... Он уехал, а когда мы с мамой вернулись, то застали то, что вы видели...

– А где был в это время ваш муж?

– Я сразу же позвонила домой, и Жермена, наша няня, сказала, что он еще не вернулся.

– Вам не пришло в голову позвонить в полицию?

– Не знаю... Мы с мамой были так потрясены... Мы ничего не понимали... Необходимо было с кем-то посоветоваться, и я решила позвать доктора Ларю... Это наш друг и в то же время папин домашний врач...

– Вас не удивило отсутствие мужа?

– Сначала я подумала, что его задержали какие-то срочные дела... Потом, когда пришел доктор Ларю, я позвонила в больницу. Он оказался там.

– Как он отреагировал?

– Сказал, что немедленно выезжает. Доктор Ларю уже вызвал полицию. Я не уверена, что рассказываю вам все по порядку... Я в это время была возле мамы. Она абсолютно не сознавала, что происходит...

– Сколько ей лет?

– Пятьдесят один. Она намного моложе папы. Он поздно женился, в тридцать пять лет...

– Позовите, пожалуйста, вашего мужа.

Через открытую дверь Мегрэ услышал голоса в гостиной, голос заместителя прокурора Мерсье и молодого следователя, Этьена Госсара, которого, как и всех остальных, подняли с постели. Сотрудники отдела судебной экспертизы тоже явились без промедления.

– Вы хотели со мной поговорить?

Доктор Фабр оказался худым, нервным молодым человеком. Жена вернулась вместе с ним и робко спросила:

– Мне можно остаться?

Мегрэ кивнул.

– Мне сказали, доктор, что вы приехали сюда около половины десятого?

– Чуть позже, но не намного...

– Ваш рабочий день уже закончился?

– Я так полагал, но с моей профессией нельзя никогда ни в чем быть уверенным.

– Вероятно, уходя из дому, вы оставляете адрес, по которому вас можно найти?

– Жермена знала, что я буду здесь.

– Это служанка?

– Да, но когда жены нет дома, она сидит с детьми.

– Что делал ваш тесть, когда вы пришли?

– Как обычно, смотрел телевизор. Ничего интересного не показывали, и он предложил мне сыграть партию в шахматы. Мы начали. Примерно в четверть одиннадцатого зазвонил телефон...

– Звонили вам?

– Да. Жермена сказала, что меня срочно вызывают на улицу Жюли, дом 28... Это в нашем квартале. Жермена не расслышала фамилию, не то Лесаж, не то Леша, а может быть, Лаша... Ей показалось, что человек, который звонил, был очень взволнован...

– Вы сразу же поехали?

– Да, сказал тестю, что вернусь, если этот визит не займет много времени, а в противном случае сразу же поеду домой. Я так и собирался поступить. Я ведь работаю в больнице и всегда встаю очень рано.

– Сколько вы пробыли у больного?

– Никакого больного там не оказалось. Я спросил у консьержки, но она удивленно на меня посмотрела и сказала, что во всем доме нет человека с фамилией, похожей на Лесаж или Леша, и что больных детей тоже нет.

– Что вы сделали?

– Попросил разрешения позвонить домой и переспросил Жермену. Она сказала, что речь шла о доме 28... На всякий случай я зашел еще в дома 18 и 38, но безуспешно... Поскольку я все равно уже ушел, то решил заглянуть к себе в больницу, проведать ребенка, который меня беспокоил...

– Который это был час?

– Не знаю... Около получаса я пробыл возле него... Затем вместе с одной из медсестер обошел палаты... И тут меня позвали к телефону... Звонила жена...

– Вы последний видели тестя. Он не был чем-то взволнован?

– Нет, совершенно не был. Он проводил меня до двери и сказал, что сам закончит партию. Я слышал, как он закрыл дверь на цепочку.

– Вы уверены?

– Я отчетливо слышал, как лязгнула цепочка. Могу поклясться...

– Значит, он должен был встать и открыть дверь убийце... Скажите, мадам, когда вы с матерью вернулись, дверь не была закрыта на цепочку?

– Мы бы тогда не попали в квартиру.

Доктор курил мелкими затяжками, прикуривая одну сигарету от другой, с беспокойством поглядывая то на ковер, то на комиссара. Он был похож на человека, который безуспешно пытается решить какую-то проблему, а его жена казалась не менее взволнованной, чем он.

– Простите меня, но завтра придется подробнее вернуться к этим вопросам...

– Понимаю.

– Сейчас мне еще нужно поговорить с сотрудниками прокуратуры.

– Тело увезут?

– Это необходимо.

Слово «вскрытие» произнесено не было, но чувствовалось, что молодая женщина об этом думает.

– Возвращайтесь к мадам Жослен. Я к ней скоро загляну, но постараюсь побыть недолго.

В гостиной Мегрэ машинально пожимал руки коллегам из отдела экспертизы, которые устанавливали там свои приборы.

Озабоченный следователь спросил:

– Что вы обо всем этом думаете, Мегрэ?

– Ничего.

– Вас не удивляет, что именно в этот вечер зятя вызвали к несуществующему больному?

Они с тестем были в хороших отношениях?

– Не знаю.

Комиссар опасался подобных вопросов. Ведь он только начинал входить в жизнь этой семьи. В комнату заглянул инспектор, которого Мегрэ видел через окошко в комнате консьержки, и с блокнотом в руке сразу же направился к Мегрэ и Сент-Юберу.

– Консьержка отвечает на все вопросы весьма уверенно, – сказал он. – Я ее допрашивал около часа. Она женщина молодая, неглупая. Муж у нее – полицейский. Сегодня он на дежурстве.

– Что она говорит?

– Она открыла дверь доктору Фабру в девять тридцать пять вечера. Она в этом абсолютно уверена, потому что как раз собиралась спать и заводила будильник. Она всегда ложится рано, так как ее трехмесячный ребенок ночью просыпается для первого кормления. Только она уснула, как в четверть одиннадцатого раздался звонок, и она ясно расслышала голос доктора Фабра, который, проходя мимо нее, назвал свое имя.

– Сколько человек входило и выходило после этого?

– Постойте... Она попыталась заснуть, но тут снова позвонили. На сей раз во входную дверь. Вошедший назвал свое имя: Ареско. Это южноамериканская семья, они живут на втором этаже. Почти тотчас же проснулся ребенок. Она так и не смогла его убаюкать и пришлось встать и подогреть ему сладкую воду. До возвращения мадам Жослен и ее дочери никто больше не входил и не выходил.

Слушавшие его сотрудники переглядывались с серьезным видом.

– Иначе говоря, – произнес следователь, – доктор Фабр покинул дом последним?

– Мадам Бонэ – это фамилия консьержки – в этом уверена. Если бы она спала, то не стала бы утверждать так категорично. Но из-за ребенка она все время была на ногах...

– Она еще не ложилась, когда дамы вернулись. Выходит, ребенок не спал в течение двух часов?

– Похоже что так. Она даже стала беспокоиться и пожалела, что пропустила доктора Фабра, с которым могла бы посоветоваться.

Присутствующие вопросительно поглядывали на Мегрэ, а тот стоял с недовольным видом.

– Нашел гильзы? – спросил он, повернувшись к одному из специалистов из отдела судебной экспертизы.

– Две... 6,35... Можно унести тело?

Двое мужчин в белых халатах ждали с носилками. В ту минуту, когда Рене Жослена, закрытого простыней, уносили из дома, в комнату неслышно вошла дочь. Она встретила взглядом с комиссаром, и он подошел к ней.

– Почему вы здесь?

Она ответила не сразу, проводила глазами санитаров, носилки. И только когда дверь снова закрылась, прошептала словно в забытии:

– Мне пришла в голову мысль... Пойдите...

Она подошла к стоявшему в простенке между окнами старинному комоду и выдвинула верхний ящик.

– Что вы ищете?

Ее губы дрожали, и она неотрывно смотрела на Мегрэ:

– Пистолет...

– В этом ящике лежал пистолет?

– Много лет... Поэтому, когда я была маленькая, ящик запирали на ключ...

– Какой системы был пистолет?

– Плоский, голубоватый, бельгийской марки...

– Браунинг 6,35?

– Кажется... Я не уверена... На нем выгравировано слово «Эрсталь» и какие-то цифры...

Стоявшие в комнате снова переглянулись, поскольку описание соответствовало пистолету калибра 6,35.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Довольно давно... Несколько недель назад... Может быть, даже несколько месяцев... Кажется, как-то вечером, когда мы играли в карты, потому что карты лежали в том же ящике... Они и сейчас здесь... Здесь все лежит на своем месте.

– Но пистолета больше нет?

– Нет.

– Выходит, тот, кто взял его, знал, где искать...

– Может быть, мой отец, чтобы обороняться...

В ее глазах читался страх.

– У ваших родителей есть прислуга?

– Была служанка, но полгода назад она вышла замуж. После нее они нанимали еще двух других. Они не подошли, и мама решила взять приходящую, мадам Маню, она приходит к семи утра и остается до восьми вечера.

Все это выглядело обычно, вполне естественно, не считая того, что безобидный человек, который совсем недавно вышел на пенсию, был убит в своем кресле.

Что-то в этой драме настораживало, казалось нелогичным.

– Как чувствует себя мадам Жослен?

– Доктор Ларю заставил ее лечь в постель. Она не разжимает губ и смотрит немигающим взглядом, словно в беспамятстве. Она даже не плакала. Похоже, отключилась. Доктор просит у вас разрешения дать ей снотворное... Он считает, что ей лучше заснуть... Не возражаете?

– Почему бы и нет? Разве Мегрэ узнает правду, даже если задаст несколько вопросов мадам Жослен? Нет, – добавил он.

Сотрудники отдела судебной экспертизы все еще работали с присущей им методичностью и хладнокровием. Заместитель прокурора собрался уходить:

– Вы идете, Госсар? Вы на машине?

– Нет. Я на такси.

– Если хотите, я вас подвезу.

Сент-Юбер тоже уходил, шепнув Мегрэ:

– Я правильно сделал, что вызвал вас?

Мегрэ кивнул и уселся в кресло.

– Открой окно! – сказал он Лапуэнту.

В комнате было душно, и комиссара внезапно поразило, что, несмотря на летнюю жару, Жослен просидел весь вечер в комнате с закрытыми окнами.

– Позови зятя...

– Сейчас, шеф...

Доктор сразу же вошел. Он выглядел усталым.

– Скажите, доктор, когда вы уходили от тестя, окна в комнате были открыты или закрыты?

Он подумал, посмотрел на оба окна с задвинутыми шторами:

– Постойте... Не могу сказать... Попытаюсь вспомнить... Я сидел здесь... Мне кажется, я видел огни... Да... Могу почти поклясться, что окно слева было открыто... Я отчетливо слышал шум с улицы...

– Перед уходом вы не закрывали окно?

– С чего вдруг?

– Не знаю.

– Нет. Мне и в голову не пришло... Не забудьте, я ведь не у себя дома...

– Вы часто здесь бывали?

– Примерно раз в неделю... Вероника заходила к родителям чаще... Скажите... Моя жена останется здесь на ночь, а я бы хотел вернуться домой... Мы никогда не оставляем детей с няней на всю ночь... К тому же к семи утра я должен быть в больнице...

– А что вам мешает уйти?

Он был удивлен таким ответом. Вероятно, полагал, что считается подозреваемым.

– Благодарю вас...

Было слышно, как доктор что-то сказал жене в соседней комнате, потом без шапки, с чемоданчиком в руке прошел через гостиную и смущенно попрощался.

Глава 2

Когда трое мужчин ушли, в квартире остались лишь мадам Жослен и ее дочь. Младенец консьержки после беспокойной ночи, должно быть, уснул, так как в ее комнате было темно, и Мегрэ даже минуту колебался, нажимать ли на кнопку звонка.

– Что вы скажете, доктор, может быть, пойдем и выпьем по стаканчику?

Лапуэнт открывал дверцу черной машины, но застыл в ожидании. Доктор Ларю посмотрел на часы, словно от этого зависело его решение.

– Охотно выпью чашечку кофе, – произнес он значительно, чуть слащавым голосом, каким, вероятно, разговаривал со своими пациентами. – Думаю, бар на перекрестке Монпарнаса еще открыт.

Еще не рассвело. Улицы были почти безлюдны. Мегрэ поднял голову и увидел, что на четвертом этаже в окнах гостиной, одно из которых осталось открытым, погас свет.

Интересно, Вероника Фабр разделется и ляжет спать в своей бывшей комнате или останется сидеть у постели матери, уснувшей после укола. О чем она думает в этих вдруг опустевших комнатах, где только что побывало столько чужих людей?

– Подгони машину! – сказал комиссар Лапуэнту.

Нужно было пройти только по улице Вавен. Ларю и Мегрэ медленно шли вдоль тротуара. Доктор был невысокий, широкоплечий, довольно полный. Должно быть, он всегда сохранял хладнокровие, чувство собственного достоинства и природную мягкость. Было заметно, что он привык к респектабельной, избалованной и хорошо воспитанной клиентуре, от которой перенимал тон и манеру держаться, может быть даже слегка переигрывая.

Несмотря на свои пятьдесят лет, во взгляде его голубых глазах сохранялась наивность и боязнь огорчить собеседника, а позднее Мегрэ узнал, что он ежегодно выставлял свои работы в Салоне врачей-художников.

– Давно вы знаете Жосленов?

– С тех пор, как живу в этом квартале, то есть уже лет двадцать. Вероника была еще совсем маленькой, когда Жослены впервые вызвали меня. Она тогда болела корью.

В этот час было свежо, слегка влажно. Над газовыми фонарями словно дрожал ореол света. Кабаре на углу бульвара Распай было еще открыто, возле него стояло много машин. У входа портень в униформе принял обоих мужчин за постоянных клиентов и распахнул перед ними дверь в зал, откуда донеслись громкие звуки музыки.

Лапуэнт медленно ехал за ними в маленькой машине и остановился у тротуара.

Ночь на Монпарнасе еще не закончилась. У стены возле отеля вполголоса ссорилась какая-то пара. Как и предполагал доктор, в баре горел свет и сидело несколько посетителей, а у стойки старая торговка цветами пила кофе с коньяком, от которого шел сильный запах спиртного.

– Мне фин-а-ло¹, – сказал Мегрэ.

Доктор колебался.

– Наверное, я возьму то же самое.

– А ты, Лапуэнт?

– Мне то же, шеф.

– Три рюмки.

Они сели за круглый столик у окна и стали вполголоса беседовать. На улице проезжали редкие в этот час машины. Ларю убежденно говорил:

¹ Коньяк, разбавленный водой.

– Это порядочные люди. Очень скоро мы с ними подружились, и мы с женой стали довольно часто ходить к ним на ужин.

– Они состоятельные?

– Смотря что под этим понимать. Безусловно, они весьма обеспеченные. Отец Рене Жослена уже владел маленьким картонажным предприятием на улице Сен-Готар, простой застекленной мастерской в глубине двора, где работало человек десять. Когда она перешла в наследство сыну, тот купил современное оборудование. Рене был человеком со вкусом, довольно изобретательным и скоро приобрел клиентуру среди крупных парфюмеров и владельцев роскошных магазинов.

– Кажется, он поздно женился, лет в тридцать пять?

– Да. До этого Жослен с матерью по-прежнему жили на улице Сен-Готар, над мастерскими. Мать постоянно болела. Он не стал скрывать от меня, что только из-за нее не мог жениться раньше. С одной стороны, не хотел оставлять ее одну, с другой – не чувствовал себя вправе навязывать молодой жене уход за матерью. Он много работал, жил исключительно интересами своего дела.

– Ваше здоровье!

– Ваше!

Лапуэнт с покрасневшими от усталости глазами не пропускал ни одного слова из разговора.

– Он женился через год после смерти матери и поселился на улице Нотр-Дам-де-Шан.

– Что из себя представляет его жена?

– Франсина де Лансье, дочь полковника в отставке. Кажется, они жили где-то поблизости, на улице Сен-Готар или Даро, там Жослен с ней познакомился. Ей было года двадцать два в то время.

– Они жили в согласии?

– Одна из самых дружных пар, которые я знаю. Почти сразу у них родилась дочь, Вероника, которую вы сегодня вечером видели. Позже они мечтали о сыне, но после довольно сложной операции надежд не осталось.

Порядочные люди, как сказал сначала комиссар полиции, затем доктор. Люди с незапятнанным прошлым, жившие комфортабельно и безмятежно.

– На прошлой неделе они вернулись из Ля-Боля... Они купили там виллу, когда Вероника была еще совсем маленькой, и продолжали ездить туда каждый год. А с тех пор, как у самой Вероники появились дети, она тоже стала возить их туда.

– А ее муж?

– Доктор Фабр? Не знаю, был ли у него отпуск, но в любом случае не больше недели. Возможно, два или три раза за лето он приезжал к ним на выходные. Он полностью предан медицине и больным, своего рода святой. Когда Фабр познакомился с Вероникой, он работал интерном в детской больнице и, если бы не женился, так и продолжал бы там служить, даже не стараясь завести частную практику.

– Вы думаете, это жена настояла, чтобы он открыл кабинет?

– Я не выдам профессиональную тайну, если скажу «да». Да и сам Фабр этого не скрывает. Если бы он работал только в больнице, то не смог бы содержать семью. Тесть настоял, чтобы он купил кабинет и дал денег в долг. Вы же его видели. Он не заботится ни о своем внешнем виде, ни о самом примитивном комфорте. Чаще всего ходит в мятом костюме, и живи он один, то сомневаюсь, чтобы он помнил, что нужно менять белье.

– Он был в хороших отношениях с Жосленом?

– Они друг друга уважали. Жослен гордился зятем. К тому же оба увлекались шахматами.

– Жослен действительно был болен?

– Это я предложил, чтобы он ушел на пенсию. Он всегда был тучным, я даже помню, было время, когда он весил сто десять килограммов. Но это не мешало ему работать по двенадцать-тринадцать часов в сутки, а сердце уже не справлялось с такой нагрузкой. Два года назад он перенес сердечный приступ, правда без угрозы для жизни, но все же это был, как говорится, первый звонок. Тогда я посоветовал ему взять заместителя, а самому только контролировать его действия, чтобы чем-то себя занять. К моему большому удивлению, он предпочел вообще отойти от дел, объяснив мне, что не умеет работать вполсилы.

– Он продал фабрику?

– Да, двум своим служащим. Поскольку у тех не набралось нужной суммы, он еще какое-то время, не знаю точно, как долго, принимал в этом участие.

– А как он проводил свой день последние два года?

– По утрам гулял в Люксембургском саду, я там часто его видел. Ходил он медленно, осторожно, как большинство сердечников, так как в результате стал думать, что болен серьезнее, чем на самом деле. Много читал. Вы видели, какая у него библиотека? У него ведь никогда не было времени на чтение, а тут, на старости лет, он открыл для себя литературу и увлеченно говорил о ней.

– А жена?

– Несмотря сначала на постоянную, а потом на приходящую прислугу, она много времени уделяла дому и кухне. Кроме того, почти ежедневно ездила на бульвар Брюн повидать внуков, старшего возила на машине в парк Монсури.

– Должно быть, вы удивились, узнав о происшедшем?

– Я до сих пор не могу в это поверить. Мне случалось быть свидетелем каких-то драм у моих пациентов, правда, к счастью, очень редко. Всякий раз этого можно было ожидать. Вы понимаете, что я имею в виду? В каждом отдельном случае, несмотря на внешнее благополучие, существовала какая-то трещина, нестабильность. На этот раз я просто теряюсь в догадках...

Мегрэ подал знак официанту наполнить рюмки.

– Меня беспокоит реакция мадам Жослен, – продолжал доктор своим обычным доверительным тоном. – Скорее, ее отсутствие, полная безучастность к происходящему. За всю ночь я не смог от нее добиться ни единой фразы. Она смотрела на дочь, на зятя, на меня и словно нас не видела. Ни разу не заплакала. Из ее спальни слышно, что происходит в гостиной, и не нужно иметь богатое воображение, чтобы догадаться, что там происходит, – услышать, как щелкают фотоаппараты, как выносят тело. Я полагал, что хоть тут она как-то отреагирует, попытается броситься в гостиную. Она была в полном сознании, но даже не пошевелилась, даже не вздрогнула. Большую часть жизни она провела с мужем и вдруг, вернувшись из театра, узнает, что осталась одна... Не представляю, как она будет жить дальше...

– Полагаете, что дочь возьмет ее к себе?

– Это невозможно. Фабры живут в новом доме, там довольно тесные квартиры. Разумеется, мадам Жослен любит дочь, обожает внуков, но я плохо представляю, чтобы она смогла жить с ними постоянно. Впрочем, мне уже пора уходить. Завтра утром у меня больные... Нет, нет... Позвольте мне...

Он достал из кармана бумажник, но комиссар оказался проворнее.

Из соседнего кабаре выходили люди, группа музыкантов, танцовщицы, которые ждали друг друга или, попрощавшись, уходили, и было слышно, как стучат по асфальту высоченные каблук.

Лапуэнт сел за руль рядом с Мегрэ. Лицо комиссара оставалось невозмутимым.

– Домой?

– Да.

Какое-то время они ехали молча, пока машина неслась по безлюдным улицам.

– Нужно, чтобы завтра утром, пораньше, кто-нибудь из вас отправился на улицу Нотр-Дам-де-Шан расспросить соседей по дому, когда они встанут. Возможно, кто-то из них слышал выстрел, но не насторожился, решив, что лопнула шина. Мне хотелось бы еще узнать, кто входил и выходил из дома, начиная с половины десятого.

– Этим я займусь сам, шеф.

– Нет. Дай задание кому-нибудь из инспекторов, а сам иди выспись. Если Торранс будет свободен, пошли его на улицу Жюли, пусть зайдет во все три дома, куда, по словам доктора, он звонил в дверь.

– Ясно.

– Стоит также для очистки совести уточнить время, когда он появился в больнице.

– Это все?

– Да... И да и нет... Мне все время кажется, что я что-то забыл, и по крайней мере вот уже четверть часа пытаюсь понять, что именно... Это ощущение возникало у меня несколько раз за вечер... Мне вдруг даже что-то пришло в голову, но тут ко мне кто-то обратился, кажется, Сент-Юбер... Я ему ответил и сразу же все забыл.

Они приехали на бульвар Ришар-Ленуар. В комнате было темно, а окно по-прежнему открыто, как в гостиной у Жосленов после отъезда прокуратуры.

– Спокойной ночи, малыш.

– Спокойной ночи, шеф.

– Раньше десяти я вряд ли появлюсь.

Он тяжело поднялся по лестнице, погруженный в свои мысли, и увидел, что мадам Мегрэ в ночной рубашке уже открыла ему дверь.

– Очень устал?

– Нет... Не очень...

Это нельзя было назвать усталостью. Скорее ему было как-то не по себе, грустно, он был озадачен, словно драма на улице Нотр-Дам-де-Шан касалась его лично. Доктор с кукольным личиком сказал верно: «Трудно представить себе, что у таких людей, как Жослены, может произойти драма».

Он вспомнил реакцию разных людей: Вероники, ее мужа, мадам Жослен, которую еще не видел и даже не попросил разрешения повидать.

Во всем этом было что-то, что вызывало неловкость у окружающих. Ему, например, было неловко оттого, что он велел проверить показания доктора Фабра, словно тот был подозреваемым. Однако, если придерживаться только фактов, то именно его можно было подозревать. И помощник прокурора, и следователь Госсар, конечно, думали так же, и если они ничего не сказали вслух, то только потому, что это дело тоже вызывало у них, как и у Мегрэ, чувство неловкости.

Кто мог знать, что мать и дочь в этот вечер были в театре? Конечно, совсем немногие, ведь до сих пор еще никого не называли.

Фабр приехал на улицу Нотр-Дам-де-Шан около половины десятого, и они с тестем сели за шахматы.

Затем ему позвонили из дому и передали, что нужно ехать к больному на улицу Жюли. В этом не было ничего необычного. Вероятно, его, как и других врачей, часто вызывали подобным образом.

И все-таки не странно ли, что именно в этот вечер прислуга плохо расслышала фамилию больного и направила врача по адресу, с которого его никто не вызывал.

Вместо того чтобы вернуться на улицу Нотр-Дам-де-Шан, закончить партию и дожидаться жену, Фабр отправился в больницу. Но и в этом, судя по его характеру, не было ничего необычного.

За это время только один жилец вошел в дом и, проходя мимо консьержки, назвал свое имя. Та проснулась чуть позже и утверждает, что больше никто не входил и не выходил.

– Ты не спишь?

– Нет еще...

– Тебе непременно нужно встать в девять?

– Да...

Мегрэ долго не мог заснуть. Он мысленно представлял себе худого педиатра в мятном костюме, особый блеск в глазах, как у человека, который регулярно не высыпается.

Чувствовал ли тот, что его подозревают? Пришло ли это в голову его жене или теще?

Обнаружив Жослена убитым, они, вместо того чтобы вызвать полицию, стали звонить на бульвар Брюн, на квартиру к Фабрам. Впрочем, они ничего не знали про вызов на улицу Жюли и не понимали, почему Фабра не оказалось в квартире на улице Нотр-Дам-де-Шан.

Им сразу не пришло в голову, что он может находиться в больнице, и они обратились к домашнему врачу, доктору Ларю.

О чем они говорили, пока оставались вдвоем в квартире рядом с убитым? Или мадам Жослен сразу же впала в состояние прострации? Тогда, возможно, самой Веронике пришлось принимать решение, пока мать с отсутствующим видом не проронила ни слова.

Приехал Ларю и сразу же понял, что они допустили ошибку или, по крайней мере, неосторожность, не заявив в полицию. Он и сообщил в комиссариат.

Мегрэ хотелось все это себе представить или прочувствовать самому. Нужно было по крупицам восстановить события этой ночи.

Кто подумал о больнице и стал туда звонить? Ларю? Вероника?

Кто удостоверился, что из квартиры ничего не пропало и, следовательно, убийство совершено не с целью ограбления?

Мадам Жослен отвели в спальню, Ларю оставался с ней, а потом, с разрешения Мегрэ, сделал ей укол снотворного.

Примчался Фабр, застал в квартире полицию, а тестя – убитым в кресле. «Однако же, – подумал Мегрэ, засыпая, – не он, а его жена сообщила мне о пистолете».

Если бы Вероника с умыслом не открыла ящик, зная, что именно там искать, никто, наверное, не заподозрил бы о существовании оружия.

Впрочем, разве это исключало возможность, что преступление совершено кем-то посторонним?

Фабр утверждал, что слышал, как тесть, проводив его в четверть одиннадцатого, закрыл за ним дверь на цепочку.

Выходит, он сам открыл дверь убийце. И тот не вызвал у него недоверия, поскольку Жослен вернулся в комнату и снова уселся в кресло.

Если, по всей вероятности, в это время было открыто окно, то кто-то его закрыл, либо Жослен, либо гость.

А если лежавший в ящике браунинг действительно стал орудием преступления, значит убийца точно знал, где его искать, и мог взять, не вызывая подозрения.

Если предположить, что убийца тайком проник в дом, то как он оттуда вышел?

В конце концов Мегрэ заснул беспокойным сном, тяжело ворочаясь с боку на бок, и с облегчением почувствовал запах кофе, услышал голос мадам Мегрэ, увидел через открытое окно залитые солнцем крыши соседних домов.

– Уже девять...

Он тут же вспомнил все подробности дела, как будто не было перерыва.

– Дай мне телефонный справочник.

Он отыскал номер телефона Жослена, набрал его и долго ждал ответа, пока не услышал незнакомый голос.

– Это квартира месье Рене Жослена?
– Он умер.
– Кто у телефона?
– Мадам Маню, уборщица.
– Мадам Фабр еще здесь?
– А кто это говорит?
– Комиссар Мегрэ из сыскной полиции. Я был у них ночью.
– Мадам только что уехала к себе переодеться.
– А мадам Жослен?
– Все еще спит. Ей дали снотворное, и она, наверное, не проснется до возвращения дочери.

– Никто не приходил?
– Никто. Я тут убираю... Я ничего не знала, когда пришла утром...
– Благодарю вас...

Мадам Мегрэ не задавала ему вопросов, а он только произнес:

– Порядочный человек, которого убили одному богу известно почему.

Он снова представил себе Жослена в кресле. Он старался вообразить его живым, а не мертвым. Интересно, он еще какое-то время действительно продолжал сидеть в одиночестве над шахматной доской, поочередно передвигая то белые, то черные фигуры?

А что, если он кого-то ждал? Но как он мог назначить встречу втайне ото всех, зная, что зять проведет у него весь вечер? Или же...

Можно предположить, что телефонный звонок, вызвавший доктора Фабра на улицу Жюли...

– Именно порядочные люди доставляют нам больше всего неприятностей, – проворчал он, заканчивая завтрак и направляясь в ванную.

Мегрэ не сразу поехал на набережную Орфевр, а позвонил по телефону, чтобы узнать, нужен ли он там.

– Улица Сен-Готар, – сказал он шоферу такси.

Прежде всего начинать надо было с окружения Жослена. Конечно, Жослен был жертвой, но не станут же убивать человека без всякой причины.

По-прежнему чувствовалось, что в Париже время отпусков. Правда, город уже не был таким безлюдным, как в августе, но в воздухе была еще разлита какая-то лень, чувствовалось, что необходимо совершить усилие, чтобы вернуться к обычной жизни. Если бы пошел дождь или похолодало, было бы проще. В этот год лето как будто и не собиралось кончаться.

Шофер повернул с улицы Даро возле железнодорожной насыпи.

– Какой номер дома?

– Не знаю. Картонажная фабрика...

Снова поворот, и они очутились перед большим бетонным зданием с голыми окнами. Вдоль всего фасада тянулась вывеска:

БЫВШАЯ ФАБРИКА ЖОСЛЕНА.

НОВЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ – ЖУАН И ГУЛЕ

– Вас подождать?

– Да.

В здание вели две двери. Первая – в цеха, а другая, поодаль, куда и вошел Мегрэ, – в помещение администрации, которое выглядело достаточно современно.

– Вы по какому вопросу?

Девушка высунула голову из окошка и с любопытством его разглядывала. И правда, вид у Мегрэ был хмурый, как и всегда в начале расследования. Он неторопливо осматривался, словно собирался провести полную инвентаризацию.

– Кто у вас управляющий?

– Месье Жуан и месье Гуле... – ответила девушка таким тоном, как будто это само собой подразумевалось.

– Знаю. А кто из них главный?

– Смотря в чем. Месье Жуан занимается художественной стороной дела, а месье Гуле производством и сбытом.

– Они оба на месте?

– Нет. Месье Гуле еще в отпуске. А что вам угодно?

– Поговорить с месье Жуаном.

– Простите, как ваше имя?

– Комиссар Мегрэ.

– У вас назначена встреча?

– Нет.

– Минутку.

Она подошла к застекленной клетушке, что-то сказала девушке в белом халате, которая тоже с любопытством оглядела посетителя и тут же вышла из комнаты.

– Сейчас его поищут. Он в цеху.

До Мегрэ донесся шум машин, и, когда открылась боковая дверь, он разглядел просторное помещение, где рядами сидели женщины в белых халатах, словно работая на конвейере.

– Вы меня хотели видеть? – обратился к Мегрэ высокий мужчина лет сорока пяти, с открытым лицом, в расстегнутом белом халате, под которым был костюм элегантного покроя. – Будьте любезны, пройдите со мной.

Они поднялись по лестнице из светлого дуба, там за стеклянной перегородкой склонились над работой несколько художников.

Еще одна дверь, и они попали в залитый солнцем кабинет. В углу печатала на машинке секретарша.

– Оставьте нас, мадам Бланш.

Он указал Мегрэ на стул, а сам сел за свой письменный стол. Казалось, он был удивлен, немного встревожен.

– Интересно узнать... – начал он.

– Вам известно о смерти месье Жослена?

– Что? Месье Жослен умер? Когда это случилось? Разве он вернулся в Париж после отдыха?

– Значит, вы его не видели после приезда из Ля-Боля?

– Нет. Он к нам еще не заходил. А что, у него был сердечный приступ?

– Его убили.

– Убили?

Чувствовалось, что Жуан не может в это поверить.

– Это невозможно. Но кто мог...

– Он был убит вчера вечером у себя дома двумя выстрелами из пистолета.

– Но кто это сделал?

– Именно это я и стараюсь узнать, месье Жуан.

– А жена была дома?

– Нет, они с дочерью ушли в театр.

Жуан опустил голову. Было заметно, что он потрясен.

– Бедняга... Это кажется таким невероятным... – И с возмущением продолжал: – Но кому это могло понадобиться?.. Послушайте, господин комиссар... Вы его не знали... Это был лучший человек на свете... Для меня он был как отец, даже больше чем отец... Когда я поступил сюда на работу, мне было шестнадцать и я ничего не умел... Отец только что умер, мать убирала по домам... Я начинал как рассыльный, развозил товары на велосипеде... Это месье Жослен меня всему обучил... Потом назначил меня управляющим делами... А когда сам решил уйти в отставку, позвал нас с Гуле к себе в кабинет... Гуле начинал рабочим на станке... Месье Жослен сообщил нам, что врач советует ему меньше работать, но он так не сможет. Приходить сюда на два-три часа в день, почти посторонним, нереально для человека, привыкшего самому во все вникать и каждый день еще допоздна сидеть в кабинете после работы.

– Вы испугались, что хозяином станет кто-то посторонний?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.